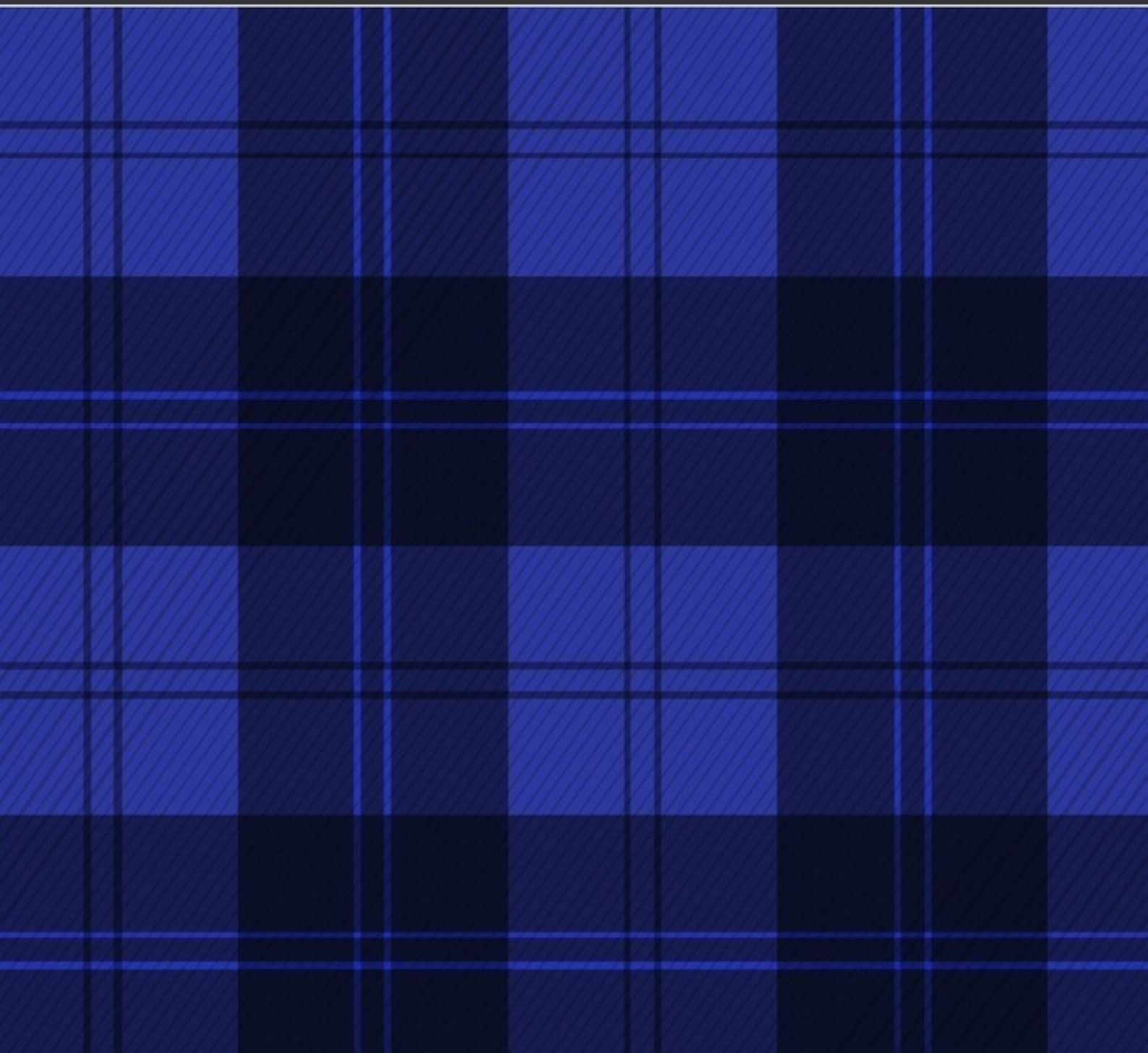

Дмитрий Луговой

Зеркало

Дмитрий Луговой

Зеркало

«Издательские решения»

Луговой Д.

Зеркало / Д. Луговой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837001-4

Неожиданная встреча в лесу показывает подростку, чем могут закончиться ночные грёзы. Борис узнаёт о своих уникальных способностях Проводника, способного перемещаться между мирами, и ему приходится бежать от начавшейся на него облавы. Но ищут Бориса не только на незнакомой планете Лерии, но и дома, на Земле, где к поискам Бориса подключается Особый Отдел ГРУ. Неожиданно появляется ещё один участник облавы на Бориса. Первое столкновение ГРУ с ловцами Проводников.

ISBN 978-5-44-837001-4

© Луговой Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Зеркало

Дмитрий Луговой

© Дмитрий Луговой, 2017

ISBN 978-5-4483-7001-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Не так-то просто преодолеть более пяти тысяч ступеней каменной винтовой лестницы, вырубленной в толще высокой скалы, одиноким парусником возвышавшейся над зелёной (ибо лето) равниной. Особенно когда процесс подъёма осложняется тем, что твои руки скованы наручниками у тебя за спиной, а на ноги надеты кандалы, весело гремящие при каждом твоём шаге.

За спиной Сергея раздался женский крик, за которым последовало шипяще-свистящее ругательство, глухой удар палкой о человеческое тело и вопль боли.

Сергей обернулся, обдирая кожу о сомкнутое на шее кольцо ошейника.

Оказалось, что выбившаяся из сил Елена оступилась при очередном шаге и упала, за что немедленно была наказана шагавшим сзади погонщиком, огревшим её дубинкой. Его же приятель, шедший впереди девушки, не стал дожидаться, когда она встанет, и, дёрнув за верёвку, продетую через ошейник, потянул Елену вверх.

– Хочешь помочь ей? – неразборчивым из-за поврежденных связок голосом спросил шедший за Сергеем конвоир.

Его левая рука при этом любовно поглаживала увесистую дубинку, пристёгнутую к подпоясывавшему чёрный костюм ниндзя ремню с блестящей золотой бляхой, пускавшей солнечные зайчики, когда свет солнца падал на неё.

Сергей промолчал, прекрасно понимая, что его охранник лишь ждёт повода поквитаться за повреждённое горло. К тому же поднимавшийся первым главарь «людей в чёрном» (или «ниндзя»? – оба названия хорошо к ним подходили) именно в этот момент дёрнул за верёвку и едва не повалил Сергея на ещё не успевший прогнуться камень.

Лишь чудом Сергею удалось устоять на ногах. Подгоняемый свистящей бранью Елениных конвоиров и громкими охами девушки, раздававшимися каждый раз, как её ребра бились об острые края ступенек или когда погонщик вновь хлестал по её телу своей дубинкой, он продолжал подъём, в конце которого (и он прекрасно это осознавал) их ждала медленная смерть. В его силах было лишь сделать её менее мучительной.

Вскоре глаза Сергея различили цель их долгого путешествия. Величественный храм, сложенный из белого мрамора, стоял на вершине скалы, гладкой словно вертолётная площадка и без единого намека на растительность. А ведь склоны скалы были увиты диким плющом, складывавшие её гранит и камень терзали корни сочных трав, названий большинства из которых Сергей и не знал, кое-где даже тянули к солнцу голые, лишённые листья, ветви чахлые деревца.

– Вот он, Храм Миров! – остановившись буквально на мгновение, восхищённо пробормотал командир «ниндзя». – Скоро, братья, очень скоро, мы обретём могущество и силу, которые и не снились властителям миров! – обернувшись назад, взревел он.

Три лужёные глотки ответили ему столь же громогласным рёвом.

Сергей, воспользовавшись небольшой паузой, также оглянулся назад. Ещё один кусочек кожи слез с его шеи, но мужчина этого не почувствовал. Елена сумела-таки подняться на ноги, а, значит, их битва ещё продолжается.

– Вперёд! – прошипел погонщик Сергея и, вынув из крепления дубинку, ткнул её острым концом в хребет пленника.

Сергей почти беззвучно охнул и пошёл дальше.

С каждой новой ступенькой ноги всё больше наливались тяжестью. Сергей уже едва волочил их, а Елена и вовсе спотыкалась через шаг и была вынуждена преодолевать целые пролёты волоком, повинувшись мощным рывкам своего конвоира.

Но любое путешествие рано или поздно заканчивается. Вот и их подошло к концу, хотя лучше бы оно продолжалось вечно.

Подъем закончился, и шестеро людей предстали перед молчаливо взиравшим на них Храмом. Он стоял на этом месте уже тысячу лет и вряд ли видел других людей, кроме своих создателей.

И вот теперь он, казалось, был крайне изумлен тем, что горстка безумцев решилась нарушить его вековой покой. Колонны, подпиравшие крышу Храма, странно изогнулись, будто были не мраморными столбами, а шёлковыми нитями, из которых плетут тетиву никомодарианского лука, и крыша здания просела. Сергея пробрала дрожь: казалось, здание хмурится, недовольное тем, что на вершину скалы поднялись люди.

Сергей уже понял, что ошибся, решив, что ранее на вершину никто не поднимался. Белые обломки костей, лежавшие между камнями там и сям, вряд ли принадлежали животным, ибо животным здесь делать было решительно нечего.

Один из конвоиров ударил Сергея под колено, и он рухнул на колени. Рядом с ним бухнулась Елена.

Главарь конвоиров снял с лица маску, обнажая узкое лицо с серыми пуговками глаз, почти лишённое растительности, если не считать таковой три седые волосинки на остром, выдававшемся вперёд, подбородке.

– Ты знаешь причину, по которой мы здесь! – обратился он к Сергею.

Да, Сергей знал причину, но именно это знание говорило ему о том, что помогать «ниндзя» ни в коем случае нельзя.

Вместо ответа Сергей сплюнул под ноги командиру и тут же удостоился мощного удара в затылок, опрокинувшего его на землю.

Острые камни расцарапали его щеку, один пребольно врезался под ребра, но шанса причинить большие неудобства Сергею им не дали.

Резкий рывок за волосы на макушке, и он уже вновь стоит на коленях и смотрит в бездонные глаза главаря, в глубине которых мелькает огонёк фанатика.

– Ты поможешь нам, или мы изуродуем твою женщину! – наклонившись так, чтобы их глаза были на одном уровне, процедил главный «ниндзя».

– Не смей, помогать им, Сергей! – выкрикнула Елена. – Я выдержу любые их пытки!

– Ты так думаешь, женщина? – с насмешкой произнес командир, поворачиваясь к ней. – Значит, ты не знаешь, что такое пытки!

Он кивнул конвоиру, стоявшему позади девушки, и тот, наклонившись, разорвал рубашку Елены. Пуговицы весело разлетелись в разные стороны, а ткань безропотно расползлась в стороны, обнажая идеальной формы груди.

– Какое красивое тело! – цокнул языком главарь, шагнув вправо и оказавшись лицом к лицу с пленницей. – Жаль будет его портить!

Кинжал в его руке появился стремительно. Старик, а ему явно было уже за семьдесят (во всяком случае, по земным меркам), присел на корточки и провел тонким и острым лезвием по белой коже девушки, оставив плачущую алыми слезами царапину под ключицей.

– Ты по-прежнему думаешь, что не сломаешься под моими пытками? – растягивая каждое слово, спросил «ниндзя».

– Я выдержу! – убеждая то ли его, то ли себя, ответила Елена.

– Ошибаешься! – хищно осклабился старик, ухватив двумя пальцами её подбородок и рассматривая миловидное личико, стремительно заплывавшее синяками, а затем резко взмахнул кинжалом.

Дикий крик, вырвавшийся из груди Елены, перепугал, наверное, всю живность в радиусе нескольких километров. На месте ее правого соска набухла капля крови, быстро превратившаяся в небольшой ручеек.

– Ничего не говори, Сергей! – вновь повторила Елена, но голос её дрожал. – Я выдержу!

Она и впрямь держалась очень долго. Сергей был даже удивлён, что Елена не сломалась после того, как ей последовательно отрезали и второй сосок, и все пальцы на левой руке, и оба уха, а вдобавок выбили четыре передних зуба.

Но когда очередь дошла до правого глаза, и предводитель «ниндзя», ловко орудуя своим кинжалом, вытащил глазное яблоко из его впадины, Елена повалилась на землю, и, орошая голые камни своей кровью, шепеляво простонала:

– Открой им Проход, Сергей! Сделай всё, что они хотят! Ради меня! Ради нашего малыша!

Ни один мускул не дрогнул на лице Сергея при известии о том, что он скоро станет отцом. Но, видимо, глаза всё же выдали его.

Старик, оставив Елену лежать на земле, переместился к Сергею и, присев на корточки, взглянул ему в лицо.

– Поздравляю с будущим отцовством! – растянув губы в холодной улыбке, произнес «ниндзя». – Рождение ребёнка – это ведь самый знаменательный день в жизни мужчины и женщины! Разве Проход в Храм стоит того, чтобы лишиться счастья держать своего отпрыска на руках, смотреть, как он растёт и познаёт мир, радоваться его успехам и поддерживать в периоды неудач? – Сергей покосился на продолжавшую лежать лицом вниз Елену, и старик по-своему истолковал этот взгляд. – Да, красоту твоей женщины я испортил. Но разве люди не говорят, что истинная красота – внутри? Уверен, ты сможешь ее оценить. Только открой Проход!

Сергей не отводил глаз от лица старика, а его лицо продолжало излучать непоколебимую решимость.

– Сергей, умоляю, – приподнялась на локте Елена, – сделай все, что они просят! Я больше этого не выдержу!

Кровь стекала по её лицу, как стекает краска из опрокинутой на холст банки, сбегала по шее и смешивалась с кровью из поврежденных грудей, чтобы затем устремиться к пупку.

– Просьбы женщины, тем более матери будущего ребёнка, надо выполнять! – наставительно произнес старик. – Или ты с этим не согласен?

Ещё минуту Сергей играл с ним в гляделки, а затем, расписываясь в собственном бесилии, сказал:

– Сними наручники. Трудно открыть Проход, когда через твои запястья каждую секунду пропускают электрический ток!

– Я вижу, ты умный парень! – осклабился довольный «ниндзя». – И сообразительный. Но меня тебе не провести. Ты можешь открыть Проход и с браслетами на запястьях, так что снимать наручники мы не будем. А вот ток уберём!

Старик кивнул стоявшему за спиной Сергея конвоиру, и уже через мгновение Сергей почувствовал, что «ниндзя» исполнил своё обещание.

– Давай, открывай Проход! – поторопил его старик.

– Позволь мне сказать кое-что на прощание, – попросил его Сергей. – Мы ведь вряд ли уже когда-либо встретимся.

«Ниндзя» сдвинул брови, обдумывая, стоит ли идти навстречу сломленному противнику, потом, наверное, решил, что это будет доказательством его великодушия, коим он хвастался на протяжении всего пути к скале, и кивнул.

– Хорошо, только быстро! – произнес он.

– Я недолго, – успокоил его Сергей. – Я лишь хочу сказать, что ты совершил самую большую ошибку в своей жизни...

– ... когда напал на тебя и твою семью! – раздражённо подхватил старик. – Я уже слышал подобные песни, так что не стоит тратить моё время. Открывай Проход!

– Ты не угадал! – едва заметно качнул головой Сергей. – Ты совершил ошибку в тот момент, когда велел отключить пробегавший по наручникам ток. Отмычка-то от замка уже давно у меня в руках!

Старик удивлённо моргнул и вскинул было свой кинжал, но было уже поздно. Наручники, сковывавшие руки Сергея, с лязгом упали на камни, и правый кулак мужчины стремительно вошёл в соприкосновение с шеей старика. Зажатая меж пальцев стальная отмычка с легкостью проткнула кожу и вошла глубоко в плоть «ниндзя».

Старик захрипел, а Сергей, молниеносно оказавшийся на ногах, подхватил его обмякшее тело, закрылся им как щитом от растерявшихся и потому бездействовавших конвоиров, сунул руку в карман брюк, положил ладонь на холодный металл револьвера и, не целясь, трижды с почти незаметным интервалом между выстрелами нажал на курок.

Посреди лба каждого из охранников возникла красная точка, напомнившая бинди на лице индианки, и Сергей поневоле усмехнулся.

Тела конвоиров ещё не успели рухнуть на землю, а мужчина уже свернул шею их предводителю и, отпустив его, шагнул к силившейся подняться Елене.

– Как ты это сделал? – удивленно взирая на Сергея уцелевшим глазом, прошелестела девушка.

Наверное, её можно было отправить домой. Сергей чувствовал, что здесь, на этой вершине, ему хватит сил, чтобы открыть Проход куда угодно.

Можно отправить Елену в лучшую клинику, прямиком в операционную, и созвать врачей. Наверняка они спасут не только жизни её и их малыша, но и восстановят её лицо или, по крайней мере, сделают всё, чтобы последствия пыток остались как можно более незаметными.

Возможно, даже Сергей сможет после найти её. Они поженятся, у них будет куча детей, шикарный особняк на побережье океана, весьма вероятно, что и неземного, и превосходно вышколенная прислуга, удовлетворяющая любые их капризы.

Но это идеалистический финал. Куда вероятнее, что через полгода-год их разыщут другие фанатики, жаждущие попасть в Храм, и все повторится вновь. Только в этот раз Сергею не хватит духу поступить так, как должно.

А если Елена останется жива, но он к ней не вернётся? Всё равно, она проговорится кому-либо о его даре, и за ним вновь начнётся охота.

Стало быть, выход очевиден, и сколь бы ни был труден последний шаг, Сергей обязан его сделать.

– Прости, Елена, но я должен стать призраком! – произнёс он и вскинул револьвер.

Кажется, Елена даже не поняла, что он делает. Пуля прошла её голову до того, как мозг девушки сумел обработать получаемую органами чувств информацию, и она умерла, не осознав предательства любимого человека.

Сергей наклонился над телом Елены, провел ладонью по её лицу, закрывая веком оставшийся глаз, секунду беззвучно шевелил губами, то ли молясь, то ли прося прощение, а после встал, отстрелил цепь, сковывавшую его ноги, щёлкнул пальцами и открыл Проход.

Шагнув в струящийся и серебрящийся на солнце овал, Сергей мгновенно перенесся внутрь Храма. Переход был мгновенен: вот мужчина только что стоял на вершине скалы – и вот он уже в окружении тысяч дверей, спиралью обвивавших белоснежные стены и уходившим далеко ввысь, туда, где терялся потолок Храма.

Сергей взглянул на первую в ряду дверь. Простое дощатое полотно, казалось, прогибалось под натиском розового сияния, стремившегося заполнить собой всё внутреннее убранство Храма, но каким-то чудом всё же оставалось на месте.

Сергей подошёл к двери и провел рукой по полотну. Оно было теплым, но не горячим, скорее, согревающим, как тепло материнского тела, и несло столько же покоя, сколько присутствие рядом матери приносит новорожденному.

Если он откроет эту дверь и шагнет вперёд, он обретёт могущество и власть, которой позавидуют все сильные мира сего. Да, это не всемогущество, бессмертие, эликсир вечной жизни, философский камень и прочая дребедень для суеверных, но всё же это сила, это власть.

Искушение было очень велико, и Сергей даже испугался, что не сможет преодолеть его. Его ладонь скользнула вниз, к позолоченной круглой ручке, плотно обхватила её и уже хотела потянуть за неё, когда мозг Сергея разразился отчаянным воплем:

«ТЫ НЕ ЗА ЭТИМ СЮДА ПРИШЁЛ! ЕСЛИ ТЫ ЖАЖДАЛ ВЛАСТИ, ТО ПОЧЕМУ НЕ ПРИШЁЛ К ХРАМУ СРАЗУ? ЗАЧЕМ БЫЛО ЖДАТЬ, КОГДА ЯВЯТСЯ ЭТИ ФАНАТИКИ И УВОЛОКУТ ТЕБЯ СИЛОЙ? ИЛИ ПРИЧИНА В ТОМ, ЧТО ТЫ ЖАЖДАЛ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ЕЛЕНЫ, НО НЕ ХОТЕЛ СЕБЕ В ЭТОМ ПРИЗНАВАТЬСЯ, И РЕШИЛ УСТРАНИТЬ ЕЕ ЧУЖИМИ РУКАМИ?!!!»

– НЕТ! – Сергей ударил одной ладонью по другой и отшатнулся назад.

Сияние, рвавшееся наружу, как будто услышало его крик и резко потухло, а затем и вовсе померкло. Дверь, выгибавшаяся до того дугой, встала на место и теперь ничем не отличалась от своих сестёр.

– И без тебя я могу быть достаточно силен! – шепнул ей Сергей и, отвернувшись, направился к другому проему.

Глава 1

Валерия Юрьевна нагнулась и принялась расстёгивать ремешки своих босоножек. Борис при виде полных бёдер учительницы математики, обтянутых узкими джинсами, громко сглотнул и тут же залился густой краской.

– Что-то не так? – не разгибая спины, оглянулась назад женщина.

– Всё в порядке! – слабым голосом пролепетал Борис, ощущая непривычную тесноту в штанах.

Валерия Юрьевна улыбнулась и, расправившись наконец-таки с босоножками, отодвинула их в угол и двинулась вперед по коридору. Проходя мимо первой из трёх дверей, она оглянулась и сказала:

– Как разуеешься, проходи в эту комнату, садись на диван и доставай учебники. А я пока переоденусь! – и с этими словами она скрылась за дальней дверью.

Борис на одну маленькую секундочку представил молодую учительницу переодевающейся, а вернее, раздевающейся, и его щеки запылали, словно доменные печи.

Чувствуя, как в голову лезут всякие непотребные мысли, парень деревянными от волнения пальцами развязал шнурки на кроссовках, кое-как скинул обувь и под аккомпанемент бешено колотящегося сердца прошёл по коридору и свернул в указанную Валерией Юрьевой комнату.

Аккурат напротив двери стоял диван, накрытый коричневого цвета накидкой с вышитыми на ней сказочными птицами, а перед ним – невысокий журнальный столик с небрежно брошенной на него газетой.

Борис подошел к дивану, положил на него свой рюкзак, сел рядом, расстегнул молнию и принялся извлекать из чрева рюкзака толстые и не очень задачники, по которым Валерия Юрьевна собиралась готовить его ко второму этапу Всероссийской олимпиады по математике.

Процесс раскладывания книг на отполированной поверхности журнального столика не занял много времени, и уже через несколько минут Борис, смущённо покачивая одной ногой, разглядывал внутреннее убранство комнаты.

Рядом с дверью находился длинный шкаф с зеркальными дверцами, через которые легко просматривались ряды полок, заставленных книгами. Среди них были и сугубо научные, типа «Теории чисел» или «Математической вероятности», так и художественные, начиная от «Робинзона Крузо» и «Отверженных» и заканчивая «Властелином Колец» и «Гарри Поттером».

В углу, между шкафом и стеной, разделявшей две комнаты, притаился велотренажёр, неподалеку от которого лежали и небольшие гантельки. Возможно, именно благодаря им Валерия Юрьевна обладала роскошной фигурой, которой могли позавидовать и многие профессиональные фотомодели.

У стены, напротив мягкого кресла, составлявшего один комплект с диваном, на котором сидел Борис, на высокой тумбочке с двумя дверцами стоял широкоэкранный телевизор с подключённым к нему проигрывателем для дисков. Тут же стояла и небольшая стопка дисков.

Место между диваном и стеной занимал письменный стол. На дальнем от Бориса его краю был закреплён светильник, а чуть ближе к школьнику в несколько столбцов были уложены тетради, в которых он и его товарищи писали контрольные работы.

Часы на руке Бориса тихо тикали, отсчитывая минуту за минутой, а Валерия Юрьевна всё не появлялась.

– Валерия Юрьевна! – тихо позвал учительницу Борис. Никто не ответил, и он повторил чуть громче: – Валерия Юрьевна!

Ответом Борису послужила всё та же тишина, и он поднялся с дивана и вышел в коридор.

«Может, с ней что-то случилось?» – крутились мысли в его голове. – «Ну, обморок там или ещё чего в том же роде?»

Подгоняемый ими школьник сделал два шага вперед и остановился возле двери в ту комнату, где скрылась Валерия Юрьевна.

Ничего с учительницей не случилось. В полном здравии она стояла перед зеркалом в коротеньком халате цвета небесной лазури и сосредоточенно рассматривала своё отражение. Из ушей её торчали тоненькие провода, и, прислушавшись, Борис уловил тихую мелодию, лившуюся из невидимого ему плеера.

Паренёк замер перед дверью, не решаясь побеспокоить свою учительницу. Ну, ладно-ладно, главная причина была в том, что он не смог отказать себе в удовольствии полюбоваться ее красивыми ножками, сводившими с ума всех старшекласников в школе.

Прижавшись к стене, чтобы учительница, обернувшись, не могла его увидеть, Борис продолжал наблюдать за ней.

Вот Валерия Юрьевна задумчиво почесала свой подбородок, затем беззвучно шевельнула губами, то ли подпевая песне, то ли разговаривая сама с собой, развязала пояс халата и скинула его со своих плеч.

Легкая ткань стремительно соскользнула на пол, а нижняя челюсть Бориса отвисла, раскрыв рот.

На Валерии Юрьевне были лишь чёрные трусики, тонкой полоской разделявшей две соблазнительные ягодички, и в зеркале Борис мог видеть отражение её груди.

У школьника от восторга и примешанного к нему страха быть застигнутым на месте преступления перехватило дыхание. Нет, он, конечно, уже видел обнажённые груди в разных там фильмах или журналах, что тайком листали в туалете на переменах одиннадцатикласники. Но одно дело видеть их там, а другое – наблюдать воочию.

Валерия Юрьевна отвернулась от зеркала и шагнула в сторону, оказавшись отрезанной от взгляда Бориса полотном двери. Донёсшийся вслед за этим шум наводил на мысль о том, что женщина перебирает содержимое своего платяного шкафа.

«Надо уходить, пока она тебя не заметила!» – шепнул голосок разума Борису.

Школьник с огромным усилием оторвал свои ноги от пола и, пятясь назад, стал медленно отступать, стараясь производить как можно меньше шума.

Вернувшись в первую комнату, Борис опустился на диван, закинул ногу на ногу, а потом ещё и положил на них один из задачников, раскрыв на первой попавшейся странице. И все это для того, чтобы скрыть бугорок, появившийся спереди на джинсах.

Опустив глаза, будто читая книгу, Борис тщетно пытался успокоиться и сосредоточиться на чём-нибудь другом, но перед глазами по-прежнему стояло отражение Валерии Юрьевны в зеркале.

– Я готова! – неизвестно через сколько времени услышал голос учительницы Борис.

Он поднял голову и, ошеломлённый, вскочил с дивана. Задачник, который он держал на коленях, с громким стуком упал на пол, но Борис даже не услышал этого.

Валерия Юрьевна стояла в дверном проёме, подпирая обнажённым плечом косяк, и из одежды на ней были лишь те самые чёрные трусики.

– Я тебе нравлюсь? – совсем другим, не таким как на школьных занятиях, произнесла учительница.

Борис не ответил. Мысли окончательно покинули его разум, и он мог лишь беспомощно шлепать губами, как рыба, вытащенная из воды, глядя на обнажённые женские груди, маячившие всего в паре метров от него.

Впрочем, Валерия Юрьевна и не ждала ответа. Или, вернее, она прочитала его в глазах Бориса, вождёленно взиравших на её прекрасное тело.

– Я научу тебя любви! – тихо произнесла она, подходя к ученику.

Легкий толчок в грудь опрокинул Бориса на диван. Валерия Юрьевна села ему на колени, заставив сердце школьника пропустить пару ударов, расстегнула ремень и ширинку его джинсов, наклонилась вперёд, коснулась грудью лица Бориса, обожгла его ухо своим дыханием:

– Можешь потрогать их. Не стесняйся! – и направила ладонь под его трусы.

Едва пальцы учительницы коснулись мужского достоинства Бориса, неведомая сила, словно крюком подцепив подростка, потащила его прочь от Валерии Юрьевны.

Диван и журнальный столик, стены и шкаф – всё исчезло в мгновение ока. Остались лишь учительница и Борис, и расстояние между ними увеличивалось всё стремительнее.

– А-а-а! – закричал школьник, когда голова женщины вдруг исчезла, будто её стёрли ластиком, и в это мгновение что-то сильно ударило его в спину.

В глазах Бориса потемнело, и он лишился чувств.

– Свирепый, ты где? – громко крикнула Лула, поправляя норовившую сползти с плеча охотничью двустволку.

Как они с дедушкой не дрессировали найденного полгода назад щенка, он, уже успевший превратиться в грозного на вид волкодава, всё так же убегал в чащу леса и вместо того, чтобы охотиться, бегал меж деревьев, изредка разрождаясь громким лаем.

Но сегодня Свирепый убежал слишком далеко и уже довольно долго не подавал голоса, что начинало беспокоить Лулу. Пёс, конечно, сильный и в состоянии за себя постоять, если придётся столкнуться со стаей волков (а медведей в здешних лесах не видели уже несколько сотен лет), но они ведь не единственные, кто может представлять опасность. Браконьеры по-прежнему наведывались в эти места за ценными шубками чёрных лисиц и вполне могли пойти на то, чтобы отравить собаку лесника, которая помогла задержать две группы их товарищей.

– Свирепый, ты где? – еще раз крикнула девушка, с волнением притрагиваясь к дулу ружья.

В ответ на её крик раздалось короткое тьяканье, ещё больше насторожившее Лулу. Свирепый издавал такие короткие, утробные звуки, когда сталкивался с тем, чего раньше не видел. В первые дни его пребывания в домике лесника окрестности то и дело заполнялись его тьяканьем: пёс тьякал на ружьё, на миску с едой, на белок, то и дело подбиравшихся к хижине, да вообще на всё.

Но теперь, после нескольких месяцев службы, Свирепого уже мало чем можно было удивить. Он познакомился со всеми возможными обитателями леса, изучил все деревья, кусты и травинки в радиусе нескольких километров от домика лесника, знал, как отличить браконьера от представителя Лесной Службы, приехавшего навестить старого работника и его внучку.

Стало быть, тьяканье означало, что Свирепый столкнулся с чем-то совсем необычным, и Лула даже представить себе не могла, что пёс мог увидеть или учуять.

Тьяканье повторилось, и девушка, сбросив двустволку с плеча, тихими шагами пошла на голос пса.

Преодолев небольшой овражек, по дну которого когда-то протекала речка, ныне ушедшая под землю, и, продравшись сквозь колючие кусты дикого шиповника, девушка различила тихое рычание Свирепого, раздававшееся в нескольких метрах впереди, и примешанные к нему звуки. Они напоминали человеческую речь, но такого языка Лула не знала.

Вскинув ружьё повыше, девушка, перемещаясь короткими перебежками между деревьями, своими украшенными листвою ветвями скрывавшими её от постороннего взгляда, подобралась к опушке и выглянула из-за широкого ствола старого дуба.

На зелёной траве, ровно посередине поляны, полусидел-полулежал молоденький паренек, лет шестнадцати-семнадцати, а перед ним в грозной стойке расположился Свирепый. Пёс скалил зубы и утробно рычал, роняя на природный ковёр у себя под лапами капли слюны, а мальчишка, на котором были одни белые трусы, со страхом глядел ему в морду, боясь не то, что пошевелиться, даже вздохнуть лишний раз.

Изредка мальчишка что-то говорил Свирепому, то ли веля, то ли умоляя пса отойти, но приученная не отпускать пойманных браконьеров до прихода лесника собака в ответ лишь рычала и обнажала острые клыки, которые запросто могли оторвать щуплому подростку ногу или руку.

«Не похож он на браконьера», – подумала Лула, разглядывая парнишку.

Но кто он тогда? Как оказался в лесу? И почему из одежды на нём одни лишь трусы?

Закинув ружьё обратно на плечо (не стоит пугать мальчика ещё больше – с него хватило одного Свирепого), девушка, не таясь, вышла из-за дерева, коротко свистнула, велев Свирепому отступить на шаг назад, подошла к мальчику и, присев на корточки, спросила:

– Как тебя зовут?

Появление девушки определённо немного успокоило подростка, который до этого, наверное, думал, что повстречался с одичавшей собакой, которая не прочь разнообразить им свою диету, но её слова явно несли для него не больше смысла, чем рычание Свирепого.

На всякий случай Лула повторила свой вопрос еще на трех языках королевства Лерия, а потом ещё и на мерзком языке империи Комод, но каждый раз натыкалась на непонимание в глазах подростка.

«Неужели дедушкины рассказы о пришельцах, ходящих между мирами, – правда?» – вспомнились Луле сказки, что читал ей дед в детстве.

Девушка приложила правую руку к груди и четко и раздельно произнесла:

– Меня зовут Лула! – затем погладила своего пса по голове и сказала: – Его зовут Свирепый! – после чего легонько дотронулась пальцем до груди подростка и спросила: – А тебя как зовут?

После нескольких секунд молчания мальчик громко сглотнул и ответил:

– Меня зовут Борис!

Акцент, с которым он говорил на лерийском, был воистину ужасен, но понять его в принципе было не трудно.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Бориса Лула безо всякой надежды на успех.

Как она и предполагала, мальчишка её не понял. Похоже, он и впрямь был издалека. Может быть, даже из какого-нибудь другого мира, о котором говорил дедушка.

Хотя он мог оказаться и комодским шпионом, о которых предупреждало правительство в своих листовках. С другой стороны, что шпиону могло понадобиться в этой глуши, где люди, за исключением Лулы и её деда, появляются раз в два-три месяца, не чаще.

Наверное, стоит отвести его к деду. Он решит, что делать с мальчишкой.

Придя к такому решению, Лула поднялась, сказала Борису:

– Пойдешь со мной! – сопроводив слова жестами, а затем протянула руку и помогла парню встать. – И не шути! – добавила она после некоторого раздумья. – Я стреляю очень хорошо! – похлопала она по стволу ружья.

Слов Борис, конечно, не понял, но интонация девушки и её жесты были весьма красноречивы.

Паренёк быстро закивал головой и, подтолкнутый в спину, с готовностью зашагал вперёд. Лула последовала за ним, а Свирепый, довольный виляя хвостом, потрусил чуть впереди.

Борис шагнул вперед, и его нога тут же провалилась в отверстие в земле, которое он не заметил. Он бы наверняка упал, но цепкая ладонь девушки, назвавшейся Лулой, успела схватить его за плечо и помогла удержать равновесие.

– Осторожно! – по смыслу догадался о значении короткого свистящего слова Борис.

Он вытащил ногу из дыры, в которую она провалилась, и Лула, отодвинув его в сторону, заглянула внутрь. Должно быть, это была нора какого-то зверька, так как девушка сунула в неё руку и извлекла несколько маленьких, меньше куриных, яиц, покрытых грязно-бурой скорлупой. Осмотрев их и удовлетворенно кивнув, Лула спрятала яйца обратно в нору, выпрямилась и жестом велела Борису шагать дальше.

Они уже с час, а может и больше, шагали по лесу, ноги Бориса успели покрыться тонкой паутинкой царапин, хоть Лула и старалась обходить самые колючие кустарники, а голова едва не сломалась от размышлений о том, где он оказался и, как это произошло.

Все, что юноша помнил, так это то, как он пожелал доброй ночи маме и пошёл спать. Ночью ему опять (в который уже раз за месяц!) приснилось, как Валерия Юрьевна его совращает, а потом...

Потом он проснулся на поляне, скрытой от солнечного света густыми кронами деревьев. Проснулся от того, что огромный серый пёс, похожий на волка, лизнул его лицо своим горячим шершавым языком. Лизнул и тихо, угрожающе-предупреждающе, зарычал.

Ну а следом за псом, напугавшим Бориса до чёртиков, появилась красивая девушка в футболке камуфляжного покроя и коричневых шортах, открывавших её стройные ноги, и светлыми волосами, забранными в хвост, пропущенный через отверстие в её кепке.

Внешность Лулы, которой на вид было шестнадцать-семнадцать лет, была вполне европейской, но язык, на котором она обращалась к Борису, не ассоциировался у него ни с одной, известной ему, страной.

Лес, по которому они шли, тоже не давал мальчишке ответа на вопрос, где он оказался. Борис не был силен ни в языках, ни в географии с биологией, но что-то подсказывало ему, что в Европе такой местности уже не осталось.

Так где же он и, главное, как тут оказался?

Мозг трещал от вопросов, на которые он не мог найти ответов.

Пёс, которого Лула назвала Свирепым, вдруг разродился оглушительным лаем и стремительно рванул вперед. Затрещали ветви кустарников, и мохнатый хвост собаки исчез где-то впереди.

– Что это с ним? – испуганно отскочил назад и едва не сбил девушку с ног Борис.

Лула что-то раздражённо рывкнула и оттолкнула мальчишку от себя. Затем, увидев напряжённое лицо Бориса, она несколько смягчилась и произнесла несколько слов, которые, судя по тону, должны были его успокоить.

Нельзя сказать, чтобы это сильно помогло, но всё же Борис почувствовал некоторое облегчение. Лула наверняка хорошо знала и своего пса, и окрестности, и раз она не беспокоится, стало быть для этого нет повода.

Лула ободряюще улыбнулась Борису и жестом велела идти ему вперёд, туда, где скрылся Свирепый.

Через несколько минут, потраченных на преодоление густых зарослей, образованных переплетёнными ветвями странных деревьев с жёлтой корой, Борис сквозь листву заметил недалеко свободное от леса пространство, в центре которого располагался двухэтажный деревянный сруб.

Фасад дома с широким крыльцом и верандой, на которой стояло кресло-качалка, смотрел в сторону Бориса, и парень почти сразу увидел заливающегося весёлым лаем Свирепого, подскочившего к двери и скребущего по ней своими когтями.

В ответ на лай пса откуда-то из-за дома раздался хриплый мужской крик, и собака огромными прыжками сбежала с крыльца и понеслась на голос.

Подталкиваемый в спину ладошкой Лулы Борис преодолел последний кустарник, отделявший лес от опушки, и огляделся по сторонам.

В нескольких метрах от дома, огороженный невысоким забором, наверное, когда-то служившим защитой от Свирепого, располагался огород. Со своего места подросток мог разглядеть лишь несколько зелёных ростков, устремлённых ввысь. То ли не все растения дали всходы, то ли за огородом не так уж усердно ухаживали.

Ещё чуть поодаль, перебирая мускулистыми ногами, крутилась на месте пегая лошадь, сгонявшая с себя паразитов. Во всяком случае, иначе её постоянные попытки укунить себя за зад, Борис трактовать не мог.

Пока Борис наблюдал за лошадьёю, из-за дома в сопровождении Свирепого появился высокий старик в распахнутой на седовласой груди клетчатой рубашке и широких коричневых штанах, к поясу которых были прицеплены ножны. Размеры спрятанного в них ножа наводили на мысль о кухонном тесаке, и Борис в который раз за утро (или день? – чёрт знает, какое время суток сейчас было) непроизвольно сглотнул.

Старик и Лула обменялись фразами на всё том же, непонятном для Бориса, языке, после чего мужчина пристально уставился на подростка. Его густые брови, такие же белые, как и его длинные волосы, зашевелились, словно приводимые в движение роившимися в голове мыслями.

Почесав широкий подбородок, покрытый густой щетиной, старик буркнул что-то неразборчивое, обращаясь явно к Борису. Подросток непонимающе хлопнул глазами и покопился на Лулу, но девушка, кажется, и сама не поняла, что сказал старик.

Они еще раз перекинулись несколькими фразами, причем голос старика звучал сканованно и напряженно.

Он вновь взглянул в Бориса, пожевал губы, словно вспоминая что-то, и затем выдал короткую фразу. Борис не понял, что он сказал, но обрадовался, узнав в языке немецкий.

Старик, должно быть, тоже увидел тень понимания на лице подростка и тут же выдал целую серию фраз на французском, итальянском, испанском и английском. Слова, произнесённые на языке Шекспира, Борис, пусть и с трудом, понял.

– Как тебя звать? – спрашивал у него старик.

– Меня зовут Борис, – ответил ему подросток, поневоле вспомнив школьные уроки.

Старик вновь нахмурился, пощёлкал пальцами, пытаясь что-то вспомнить, а затем выдал на ломаном русском:

– Ты есть из России, да?

– Да, да, из России! – облегчённо выдохнул мальчик и рванул к старику. – Вы можете сказать, где я?

Грозный рык и последовавший за ним прыжок Свирепого вынудили подростка резко затормозить. Босые пятки скользнули по раскисшей глине, и он, лишившись точки опоры, упал на спину.

Старик коротко рявкнул, и Свирепый, кинув на хозяина обиженный взгляд, поплёлся к Луле.

– Вставать! – протянув руку, старик помог Борису подняться. – Идти. Дом. Живо.

Борис кивнул и пошёл к крыльцу. Уже на пороге он оглянулся и увидел, как старик что-то быстро говорит Луле. С каждым произнесённым словом лицо девушки становилось всё более напряжённым, если не сказать напуганным.

Почувствовав, что на них смотрят, старик оглянулся и, гневно выругавшись на своем языке, махнул Борису рукой, веля зайти внутрь.

Ничего не понимая, юноша вздохнул и подчинился.

– Он с Земли, – хмуро глядя в сторону дома, произнёс дедушка Лулы. – В их мире множество стран, не то, что в нашем, но он, кажется, из России. Во всяком случае, он знает и понимает язык, на котором говорят в этой стране.

– Именно поэтому ты хочешь, проверить окрестности? – спросила его девушка. – Потому что он из России?

Дедушка вздохнул и развёл руки в стороны.

– Я мало что знаю о пришельцах из других миров, – сказал он. – Но ходят слухи, что русские – самые отчаянные контрабандисты всех миров. Возможно, этот Борис один из них, и тогда нам угрожает опасность!

– Он не показался мне опасным, – опустил глаза вниз и ковыряя носком сапога землю, тихо произнесла Лула. – По-моему, он просто маленький напуганный мальчик, который и сам не знает, как здесь оказался.

– Ты так же говорила про ту девочку, что привела своего отца и братьев-браконьеров к маленьким кабаням прошлым летом! – строгим тоном ответил дедушка. – Забыла, что из этого вышло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.